№ 20 ИЮЛЬ 1925 ГОД ЦЕНА 25 коп.

НЕОБХОДИМАЯ ПОПРАВКА

Для всех немецких фашистов, представших перед московским судом, характерно „полное отсутствие задерживающих центров...“

М. Левидов. „Правда.“

Это было, пока они не добрались до *центра* СССР. Он оказался весьма *задерживающим*.

Рис. В. Лебедева

ТЬФУ!

Добывание золота из ртути стало реальностью. Японский ученый Ногаон продал в Нью-Иорке несколько фунтов добытого таким путем золота.

Наконец-таки оно,
Чорт возьми, побеждено!
Злой кошмар тысячелетий,
Расставлявший столько сéтей,
И капканов и силков,
Выпускавший силы ада—
И миражем Эльдорадо
Привлекавший дураков,
С сатанинскою любовью
Заливавший землю кровью,
Покупавший честь и совесть,
Души, помыслы, сердца—
Наконец, твою мы повесть
Дочитали до конца!

Баста! Хватит страшной сказки!
Позабудем в глубь Аляски
Занесенный снегом путь,
Были жуткие Брет-Гарта—
И кровавого азарта
Нераскаянную жуть.
Новый путь—иного сорта:
Печка. Куб. В руке—реторта.
А в реторте—просто ртуть.

Так-с! Конец былой святыне!
Где вы, страшные пустыни
И лихие времена?
Значит, золото отныне
Не дороже чугуна?
Можно брать его, как рыбу,
У разносчика Петра?
Дайте мне скорее глыбу—
Так, рубля на полтора!
Коли диво уж не диво—
Значит, нечего юлить:
Я плевательницу живо
Из него велю отлить!
В угол подлую засуну
(Там от сора так пестро!)
Подойду, взгляну—и плюну
В благородное нутро!

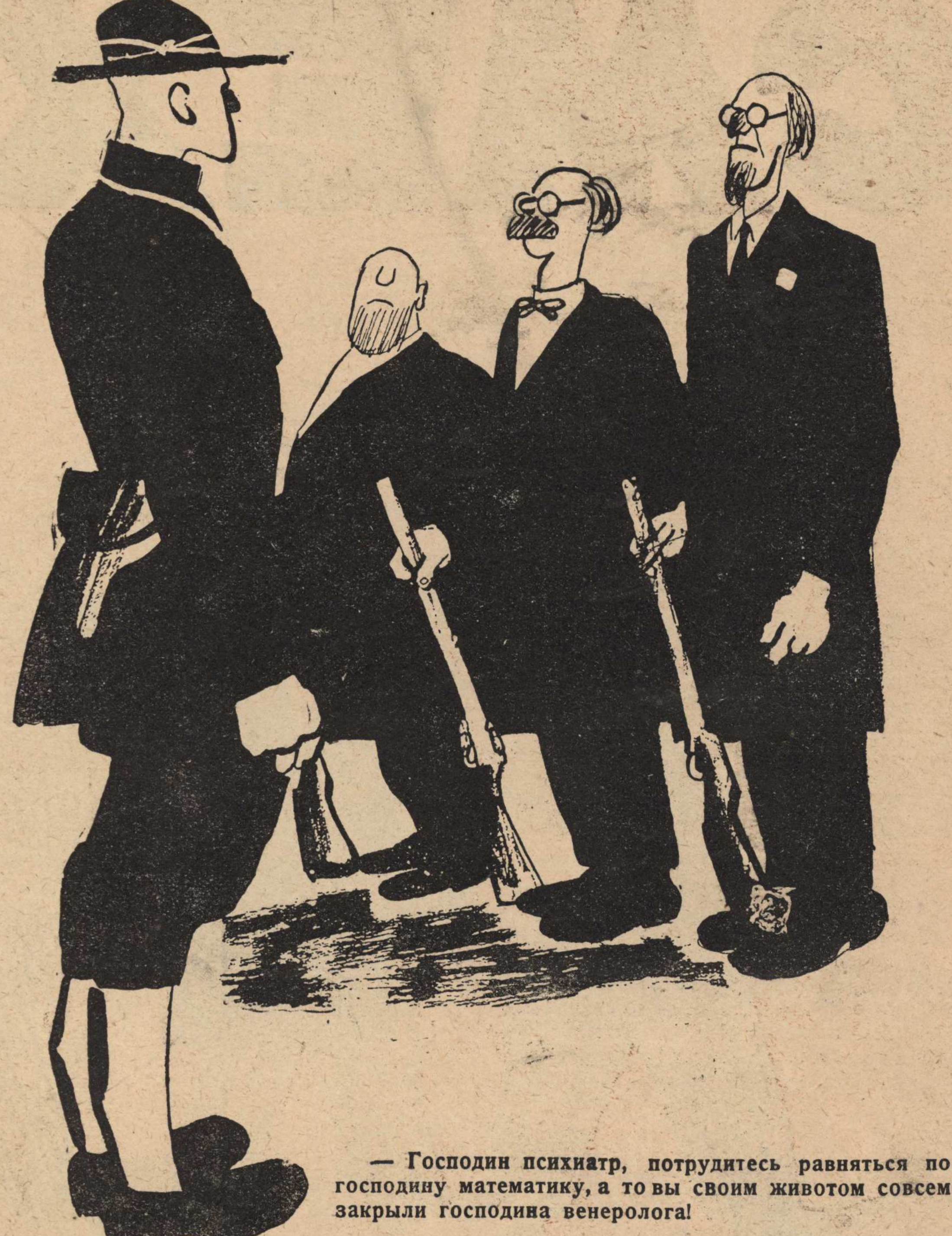
Эх, кошмар тысячелетий
Расставлявший столько сетей,
И капканов и силков,
Воскрешавший силы ада—
И миражем Эльдорадо
Соблазнявший дураков,
Дух святой и дерзновенный
Запиравший под замками
В несгораемом шкафу—
Вот тебе от всей вселенной,
Ждавшей этот миг веками:
ТЬФУ!

А. д'Актиль

УЧЕНЫЕ ВОЯКИ

Рис. Л. Бродаты

Во всех американских университетах введено обязательное обучение военным приемом всех студентов и профессоров.

— Господин психиатр, потрудитесь равняться по господину математику, а то вы своим животом совсем закрыли господина венеролога!

ДАЛМАТСКИЙ ПОРОШОК.

Правительство Юго-Славии разрешило Врангелю основать свой город на берегах Далмации. Необходимая территория будет предоставлена государством.

(Из телеграмм).

В кармане было разрешение. В кармане не было территории. Ее нужно было выбрать.

Ах, чорт дери!—территория не брюки: не так-то легко подыщешь по вкусу.

Марья Ивановна и Надежда Львовна занялись организацией завтрака, а генерал с Анной Павловной и поручиком Заковыкой отправились на тер-розыски.

— Здесь!—пытливо оглядев местность, заявил Врангель.

— Чудесно!—захлопала в ладоши Анна Павловна:

— Смотрите, генерал, какой ручеек! Мы назовем его Невой.

Врангель, опершись на шашку, торжественно сказал:

— Да. Здесь, на берегу Невы. Как это сказано у Пушкина? „Здесь будет город залож“...

— Ходи, ходи мимо,—прервал его противный скрипучий голос:—Чего чужую траву топчешь?

Далматец-крестьянин вылез из-за куста и недружелюбно глядел на генерала.

— Осел!—мрачно буркнул Врангель:—никакой поэзии в хаме! И Нева дрянь! Подумаешь! Не найдем Невы лучше! Поручик, держите меня крепче, или я уничтожу эту коммунистическую личность!

* * *

— Здесь!

Генерал стоял в кустарнике, величественно опершись на шашку.

Вдали скрипели колеса.

— Я слышу, кто-то едет. Тем лучше! Врангельград должен лежать на широком торговом пути.

Скрип колес усилился и вдруг затих где-то рядом. Генерал поднял руку.

— „Здесь будет город заложон, на зло надменному сосе“...

— Ваше-ство... здесь нехорошо...—испуганно потянул его за рукав поручик.

— Ах!—сказала конфузливо Анна Павловна, уткнув нос в платок.

Генерал оглянулся. В двух шагах стояли бочки, от которых скверно пахло.

Трудно выбрать территорию, ужасно трудно!

* * *

Врангель залез на пень и, опершись на шашку, сказал:

— Здесь!

Но сейчас же прочел чье-то дурацкое объявление в сторонке:

„Останавливаться строго воспрещается“.

Плюнул и полез обратно.

— Не буду я закладывать города! Канитель! Чтобы город заложить, сначала его надо построить!...

Он пошуршал в кармане разрешением.

— Заложу-ка я у какого нибудь дурака рублей за пятьдесят это разрешение. Вернее будет.

Азиат.

НЕСВОЕВРЕМЕННАЯ КОНЧИНА ЕГОРА ДУРДИНА

(Фантазия в 3-х главах)

У всех почтовых агентов, производящих обходы или объезды сельских местностей Сев.-Зап. области, крестьяне могут получать справки по земельному вопросу, жилищному и т. д. В случае, если почтальон не может немедленно ответить, он по возвращении в город получает нужные сведения и при следующем обходе дает ответ крестьянину.

(Из газет).

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой Егор Дурдин приветствует смычку.

Дом. При доме — забор. Палисадник. Две цветные грядки. В доме три сына. Пять дочек. Старуха жена.

Все блестит. Все чищено. Все в полном порядке. Даже дощечка:

Дом Дурдина.

В сельской глуши, где тощие козы пожирают уныло листы стенгазет, расцветают на сердце пышные розы, проникает в души столичный свет.

Это случается раз в неделю, когда, запрудив в сельсовете крыльцо, деревня всем миром Наркомпочтелю умиленно глядит в лицо.

Загадал Егор на мужицкое счастье, принесет ли почта желанную весть:—просил о прирезке земельные власти—семья, мол,—сам-десять, и нечего есть.

И вдруг нежданно, из уст почтальона сорвалось слово, и в слове—свет:

— Егор Семеныч! А насчет закона самолично справлюсь—п ривезу ответ.

— Врешь... Обманешь... Надуете, черти?!

— Да что Вы? Обязан! Прочтите декрет!!

. . . .

Этот вечер подарком остался до смерти. В этот вечер Егор был смычкой согрет.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой много печали и мало радости.

Комнаты. Комнаты. Комнаты. Залы.
На каждой—номер. В каждой—народу тьма.
Уж чего, кажется, почтальон—человек бывалый.
И того в Земотделе забьет кутерьма!
Вдоль корридоров хвостятся сутяги.
Пот прошибает. Задача трудна:
— Как в этом море текущей бумаги... Егора найти, Дурдина?!
Трудно. Тяжко. Почти невозможно.
Ушел почтальон, не найдя концов.

А в сумерки Егор у дороги, тревожно слушал волнующий пляс бубенцов.

— Привез, што-ли, справку?

— На неделе узнаю, отец, привезу!

Щипала лошадь почтовая травку. Садилось солнце в соседнем лесу, покраснев от большого конфуза: волокита—обуза Союза!..

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой все трагично и просто.

Улыбнулась судьба в главе третьей Егору: добрался почтовый агент до конца. Пошло Дурдинское дело в гору. Потрудились барышни в поте лица.

Справка получена, но в сердце—испуг: маршрут изменился, он едет на Юг.

Снова в свою колымагу впряжен старый, угрюмый, седой—почтальон.

А Дурдин?
За него нам обидно вдвойне;
Дурдин в стороне.
Семь лет почтальона гоняли далеко...

Семь долгих годин ждал справки Дурдин и помер до срока, вздыхая жестоко, утративши веру в людей.

Умер Дурдин. И тогда то, случайно, попавши по делу в знакомый район, явился со справкой к нему почтальон.

Пришел и вздохнул на могильном холме в вечерней, прохладной, синеющей тьме:—

— Так-с, кум Семеныч, зря злобу унес! Земельный прескверно решил ты вопрос!..

Александр Флит.

ДЕВИЧЬЯ ПЕСНЯ.

Алыми, зелеными, голубыми бусами,
Шею загорелую ярко уберу,
И блестя, как золотом, косыньками русыми,
За калитку весело выйду поутру.

Девка я бедовая, знаю все до звания;
За Совет горою я, и не враг себе.
Встречусь я, подруженьки, с комсомольцем Ванею—
На лужку под ясенем, после в чит-избе.

Много в жизни радости, много в поле зелени.
Парни улыбаются удалые нам.
На лужку построили нынче карусель они—
Вдоволь накатаемся, насмеемся там.

Погрызем подсолнухов, балалайка рьяная
Под рукой удалою названится всласть.
Я с коня глазастого слезу, точно пьяная,
Ухвачусь за милого, чтобы не упасть.

Отмахнусь от солнышка ясеневой веткою,—
Не сожги... А в сумерки в светлую избу
Пробегу касаткою,—с Ваней за газеткою
Красную огадывать, грызть орех-судьбу.

А. Липецкий

БУКВОЕД

— Итак, товарищи крестьяне, чтоб окончательно рассеять дурман о колдунах и ведьмах, мы продемонстрируем картины волшебного фонаря.

— Ага, а все-таки без волшебного-то и здесь не обошлись..

ЖЕЛ-ДОР-АРТИЛЛЕРИЯ

Нередки случаи, когда в служебном купэ находишь „железнодорожницу“ с количеством багажа, которого хватило-бы на четверых.

Рис. И. Каликина

— Оно и видно, что здесь бригада помещается... Потому тяжелая орудия на месте!

БЮДЖЕТ ВРЕМЕНИ

МГСПС предпринимает обследование бюджета времени профработника. Взято на учет 107 работников. В течении 10 дней они будут подробно записывать время, затраченное ими на свою работу, общественные обязанности, отдых, сон, принятие пищи и т. п.

Одним из 107 был Семен Семеныч.

Новенький блок-нот только что начат:

— „На еду—10 м. 14 сек. Уборная—4 мин. Развлечения (смотрел, как котята играют с кошкой)—2 м. 4 сек. Папиросы—8 м. 17 сек...."

Семен Семеныч вышел на улицу и деловито зашагал на службу.

На углу встретилась Ниночка.

— Здравствуйте! — остановилась Ниночка,—почему у вас такой ученый вид? И отчего это вы вчера не пришли на бульвар?

Семен Семеныч вынул блок-нот и хотел записать:

— „Разговор с Ниночкой Б. от 9 ч. 23 м. до..."

Но задумался. Куда отнести этот разговор? Что это—отдых? Развлечение? Общественные обязанности?

— Вы о чем будете говорить?—спросил он подозрительно. И подумал: если на общественные темы разговор завести, можно в последнюю рубрику записать...

— Как вы смотрите на вопрос о частичном ремонте канализации?—осторожно перевел он разговор.

Ниночка ударила его перчаткой по руке:

— Дерзкий!

— Что вы думаете о проекте нового брачного закона?—вдохновлялся Семен Семеныч.

— Я никогда, никогда не выйду замуж!—капризно сказала Ниночка, и глазки ее вспыхнули надеждой.—Я посвящу себя ....обществу!

— Обществу?—оживился Семен Семеныч, и торопливо записал:

— „Обществ. обязанн.—от 9 ч. 23 м. до..."

А Ниночка поправила шляпу, сделала грустные глаза и продолжала:

— Я никогда не выйду замуж! Нет, нет! Никогда! Все мужчины—обманщики, эгоисты и развратники! Вчера я вас ждала на бульваре 45 минут! Отчего вы не пришли, дерзкий?!

— Я был занят... учетом,—мрачно объяснил Семен Семеныч,—считал сколько проспал и сколько прообедал...

Ниночка надула губки:

— Можете не объяснять! Мне все равно, как вы там проспали и прообедали... Вы только о еде и думаете! Прощайте!..

Она ушла, а Семен Семеныч записал:

— „Неизв. куда—17 мин."

На службе он отдохнул. Сидел, щелкал на счетах и заносил цифры в огромную книгу. Тут запись была ясна:

— „На работу—6 часов".

Но... пришлось рассказать делопроизводителю содержание виденной им 2 недели назад кино-картины „Знак-Зоро", выслушать длинную повесть машинистки о том, как она чуть не отравилась ананасным мороженым, ждать очереди около уборной...

А в 2 часа его вызвали к телефону. Звонила Ниночка:

— Здраствуйте! Вы мне так и не ответили на вопрос: отчего не были вчера на бульваре? Дерзкий!

Ниночка была в ударе и разговор отнял 14 минут.

В результате—запись:

— „Работа—4 ч. 25 м., неизв. куда—1 ч. 21 м., неизв. куда—еще 14 м."

При выходе со службы произошло досадное недоразумение: кто-то унес кэпку Семена Семеныча, оставив ему свою шляпу.

10 минут ушло на ссору со швейцаром.

— „Неизв. куда—10 мин."

А на улице он неожиданно столкнулся с гражданином, который, размахивая его кэпкой, яростно подскочил к нему:

— Чего вы зеваете?—заорал неизвестный.—Не видите, что на голову напяливаете? Как вы смели взять мою шляпу?

Вспыхнула ссора...

Собралась толпа. Подошел постовой милиционер.

А дальше—участок, протокол, потеря времени...

Вечером Семен Семеныч рвал волосы над своим блок-нотом:

— Ну, куда я это запишу,—милицию, ругань, протокол?!

Хотел записать—отдых...

— „Но... какой же это отдых?.. И на развлечение мало похоже... Может, это—общественные обязанности,—все таки—на улице, публично, так сказать?.."

Но вспомнил, как участковый надзиратель сказал ему: „вы ведете себя, как антиобщественный элемент",—и записал:

— „Неизв. куда—7 час. 16 мин. 23 сек."

Ах, жизнь это такой плохой бухгалтер!

Весь бюджет времени Семен Семеныча она перепутала...

Утром у него заболели зубы.

Он метался по комнате, полоскал рот мятой и русской горькой, плакал, измучил соседей по комнате и не пошел на службу...

И даже заповедный блок-нот на время был забыт...

А вечером зубной врач И. Я. Абрамович вырвал ему два зуба под кокаином.

И в блок-ноте появилась новая запись:

— „Лечение—12 мин. Страдание—7 час. 26 мин. Неизв. куда—1 ч. 4 мин."

А потом вдруг пришло письмо по городской почте.

— „Дерзкий! Я вас ненавижу... На зло вам буду сегодня около 7 часов веч. на бульваре. Но не думайте встречать меня—я вам это запрещаю! Прощайте навсегда!

Нина Б."

Ночь на бульваре—короткая ночь. И она не знает никаких блок-нотов...

Так прошло десять дней.

А на десятый день ночью Семен Семеныч сидел у себя и подводил итог записям. 10 дней—240 часов.

Выходило странно:

— Служба—42 час. 40 мин. Общ. обязанн.—2 ч. 13 мин. Отдых—57 мин. Еда—8 час. 40 мин. Туалет—4 часа Сон—72 часа 20 мин. Уборн. 3 ч. 2 м. Лечение—12 м. Страдание—7 ч. 26 мин.

— Неизвестно куда—100 часов.

Итого = 240.

Э. Гард

МЕРТВЫЙ ЧАС

Важным является вопрос о культурно-просветительной работе в санаториях и домах отдыха. Культпросветработники часто вызывают у отдыхающих только раздражение требованием обязательного посещения неинтересных лекций или докладов. (Правда. № 140)

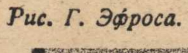

Рис. Г. Эфроса.

— **Что же у вас здесь происходит?**

— **А так что десятая лекция за сёдни: „О нормальном сне", и отдыхающие вроде как бы практическими занятиями занимаются!**

НОВЕЙШИЕ ЦЫГАНСКИЕ РОМАНСЫ В ЛИЦАХ

Рис. Б. Антоновского

Разрабатывается вопрос о переходе цыган к оседлой трудовой жизни на земельных участках.

— Все, что бы-ыло, все, что ми-ило, все давным давно уплыло

КАТАСТРОФА

(Из дневника безработного).

15 марта. Я уже третий месяц—безработный со всеми бумагами и так законно, что ни один кор не уколупнет. Штунц устроил меня у себя в отделе агентом, провел в союз—и как только я получил профбилет,—сократил меня, как тютиньку. Я разыграл такое отчаяние чуть не с обмороком, что профуполномоченный даже хотел проводить меня домой: „У вас—говорит—по пути все трамваи, трамваи, вы в таком состоянии—долго ли до греха?" Этакая наивность!

16 марта. Чудный был день, когда я отметился в союзе безработным... А ну-ка, попробуй, тронь безработного? За обедом спрыснул отметку шампанским,—да не их пролетарским Абраом, а доброй бутылочкой Поммри из старого запаса.

19 марта. Славный парняга—наш управдом. Приношу ему бумажку для новой расценки квартиры. „Положение—говорит—знаете? Безработному можно считать по гривеннику за рубль—до свободной профессии включительно! (А у меня 11 комнат!).—„Виноват—говорю—вы обронили пять червонцев!" „Как—говорит—пять? Я, кажется, восемь обронил?" „Совершенно верно, восемь"! „Записал по гривеннику. Чуткий человек, недаром был статским советником! „Да,—говорит,—я понимаю душу безработного. Заходите,—говорит,—почаще, люблю потолковать с интеллигентным человеком!" Как не любить?... А только раньше двух месяцев меня, брат, не увидишь: хватит 8 червяков за два месяца!

12 апреля. Сегодня отмечаясь в союзе, встретил Глушкина: оказывается, что Штунц и его сократил (он служил курьером) и посадил на его место какую-то кралю. Очень мне обрадовался. „Ну—говорит—теперь уже недолго нам с вами мучиться, теперь уже скоро!" „Что—скоро?" „Строительные работы! 50 тысяч человек предположено занять! Ловко? Поработаем, товарищ Жохов"! (Холера тебе в живот, какой такой я товарищ). Однако, говорю: „Непременно, товарищ! ведь из безработных будут нанимать! Поправимся"! „Поправимся! Только-бы не урезали сметы! Ведь если не попадем на работу,—это будет катастрофа для нашего брата" (Теперь уж я в братья попал!) „Да—говорю—это будет потрясающая катастрофа"! Чуть от смеха не лопнул!

17 мая. Встретил своего фина. В прошлом полугодии он трахнул меня на триста червонцев и не скинул ни копейки, а сегодня улыбнулся и говорит: „Здравствуйте, гражданин Жохов! Срок прошел, а я что-то вашей декларации не видел". А я ему: „Если вы любитель величественных видов, так поезжайте на Дарьяльское ущелье"! „Что ттакое?" „А то такое, что я теперь безработный и живу на пособие в 9 рублей. Что вы смотрите на меня, как будто у вас живот трескается? Воображаю, как вы тогда будете смотреть на Дарьяльское ущелье! Честь имею кланяться".

23 июня. Очень странно! Смету на строительство вовсе не урезали, а все увеличивают. Между тем тесноты в городе я отнюдь не ощущаю. Встретил Глушкина: сияет. „Напрасно—говорит—я тревожился за нас! На земляные работы берут всех! Нужны десятки тысяч рук. Даже кто отказывается—из безработных вычеркивают. Ловко? Растет РеСеФеСеРочка, крепнет! Строится! А вы на каком участке, товарищ?" (Апендицит тебе в печенку!). „Ни на каком",—говорю. „Неужели еще не получили повестки? Ну так на днях получите. Не унывайте, утешьтесь, скоро и вас позовут на работу, не сомневаюсь ни минуты!"

Ну, ну! Он не сомневается! Хожу от этих слов, как будто мне дали 19 раз по морде Нет, это же будет чудовищная катастрофа, если они мне пришлют повестку! ..

27 июня. Позвольте, какже это так? Я 10 лет работал с бриллиантами, я не умею рыть канализацию! А газеты подтверждают: отказался—так вон из безработных. Но ведь тогда все мое устройство полетит вверх тормашками... О-хо-хо! Господи! Дорогой мой, многоуважаемый боженька! Во всех катехизисах написано, что ты все можешь. Что тебе стоит сделать, чтобы безработному Жохову не посылали повестки с вызовом на работу? Спаси меня от такой катастрофы! Один фин меня теперь за Дарьяльское ущелье так трахнет, что я тут же и подохну. И чего только я полез в это ущелье?...

12 июня. Готово!... Вот она—здесь, передо мною... Иди завтра рыть канализацию...—или... А этот „всемогущий боженька" просто на-просто дурман, я теперь согласен!

Скит.

ЧЕРТОГОН под ЛЕНИНГРАДОМ

Характерный факт. Рабочий завода, тов. Шубаев, только что вернувшийся из одной заброшенной деревушки Псковской губ., рассказывает, что когда туда привезли для демонстрации радио-аппарат, то крестьяне пришли с дубинами, вилами, топорами и начали его ломать. — Это, мол, нечистая сила.

(„Ленинградск. Правда").

Шеф приехал с аппаратом;
Аппарат и шефа—матом.
И за дело: не блуди,
Чорта в трубку не сади!
И без радио-нечистых
Тьма чертей в болотах мглистых:
Лешачьё—в глухом лесу,
Водяные—ка плесу,
В бане—банный, чорт мужицкий...
А коль к нам да большевицкий,
Городской, вотрется бес,—
Убегай, крестьяне, в лес!

* * *

Шеф—в амбицию, понятно:
Потому—кому-ж приятно
Бородатых зреть детей,
Слепо верящих в чертей?
— „Братья! Дьяволы! Поверьте,
Это—радио, не черти!
Чорт с рогами и хвостат,
А взгляни на аппарат,—
Где рога?"
Взглянули: верно—
Нет рогов... Спилил, наверно!..

* * *

А проезжий—так и сяк,
Ну, утюжить всех и вся:
— „Верить в чорта, мол, не мода.
Черти—опиум народа,
Царской стари кровь и плоть..."
— „Брешешь! Опиум—господь...
Мы согласны крест похерить,
Но чтоб в чорта да не верить,
Это, братец,—не тово!!."

* * *

И давай катать его—
И нечистым аппаратом,
И чистейшим сельским матом.

* * *

Кто-ж тут, братцы, виноват
В неприятьи аппарата:
Деревенские ребята?
Пропаганды аппарат?
Или шеф, что деревеньку
Просвещает... помаленьку:
В восемь лет заглянет раз,
И не кажет больше глаз?

Вас. Князев

УМЕЛЫЙ ПОДБОР ТОВАРА

Волжский Рыбтрест выдает на-руки, только 1/3 заработка; остальное рыбаки вынуждены забирать на трестовских складах страусовыми веерами, шелковыми чулками, бальными туфлями и т. п. „парижским шиком".

Рис. В. Лебедева

Вот где рыбак рыбака— **видит издалека —**

НАВЕРНЯКА.

СЛУЧАЙ

Калужская „Коммуна“ сообщает, что Калужский уездный комхоз продает на слом за бесценок в городе Перемышле, Калуж. уезда, все лавки, амбары сараи, торговые ряды.

Рис. Н. Гадлова

— А не знаете, родной, Сосипатр Сидорыч купил что, али нет?

— И-и, матушка Марья Анкудиновна, Сосипатру Сидорычу в этот раз во-как подвезло:—ему по недосмотру, за место лабаза, двухэтажный уисполком продали... Привалил ведь случай человеку!...

ЭЛЕКТРОВОРЫ

Сидя на скамье подсудимых, я в сотый раз вспоминал все подробности своего преступления и в сотый раз искренне пожалел, что на эту скамью угодил я, а не жена.

Во всем виновата она. Одна только она. Это она целых три месяца убеждала меня пойти и пригласить гражданина Треухова.

Даю вам честное слово,—я не соглашался. Да, да, да. Я говорил о элементарной честности, о том, что надо обязательно возить саночки, если любишь кататься, и на все это был один единственный ответ:

— Ты, дурак.

Я не дурак. Я не хуже жены понимаю, что с меня дерут отчаянно много за энергию, я лучше всяких жен знаю, что эти подлые счетчики обладают замечательным свойством терять свой волчий аппетит немедленно после того, как в них повозится опытная рука, но все-таки я сопротивлялся сколько мог.

Но, в конце-концов, я пал.

И сразила меня, главным образом, дешевизна преступления.

За фокус со счетчиком Треухов взял всего на-всего одну пачку папирос. И хоть бы каких, а то „Пушек“.

Так и сказал:

— Вы мне „Пушки“, а я вам облегченье.

Потом пришел, повозился, что-то объяснил жене и ушел.

И целых полгода я наблюдал прямотаки чудесные последствия его опыта над счетчиком. Счета за энергию таяли, точно это были не счета, а ледяная баба, выставленная на весенний солнцепек.

За это я угодил на скамью подсудимых.

Нас сидело сорок четыре человека,—все до одного треуховские клиенты.

Мы покаялись и признали себя виновными, но Треухов повел себя иначе и пожелал нести ответственность только за то, что взял у нас по пачке „Пушек“.

Эксперт от электростанции объяснил, что считает Треухова крайне опасным жуликом, так-как ни в одном счетчике он не нашел ни следа прикосновения треуховских рук, а факт резкого падения платежей за энергию и показания обвиняемых свидетельствуют, что что-то Треухов со счетчиком сделал.

Тогда судья воззвал к совести Треухова:

— Что вы делали со счетчиком, подсудимый?

— Гражданин судья,—твердо ответил Треухов,—если я вам скажу, что я делал со счетчиком, то я навсегда лишусь „Пушек“, а мне это очень неприятно.

— Но если вы не скажете,—напомнил ему судья,—то я угощу вас такой статьей, что вам долго будет не до „Пушек“. К тому же, если вы покажете правду, я после суда угощу вас целыми двумя пачками этих „Пушек“.

— Хорошо,—ответил Треухов,—вы меня уговорили. Ну так знайте же, что я со счетчиком не делал ничего. Да, ничего. Я влезал на верх, и минут десять аккуратно вытирал с счетчика пыль, а потом слезал вниз и говорил хозяйке: гражданка, дело сделано, но для того, чтобы не влипнуть в историю, зажигайте лампочки недельку-другую на час позже обыкновенного.

— Это правда?—спросил нас судья.

Мы ответили хором:

— Правда.

— Некоторым женщинам,—продолжал Треухов,—в квартире которых я видел несколько ламп, я говорил:—вы, гражданка, первую недельку, пока счетчик войдет в колею, жгите только одну лампу.

— Это правда?—спросил нас судья.

Мы ответили хором:

— Правда.

— Да, гражданин, судья,—кончил Треухов,—я брал их на испуг, я подпугивал их ответственностью за преступление, но эта неделя невольно приучала их к экономии. Они невольно учились экономить энергию, и не знаю уже почему относили это на счет моего фокуса над счетчиком...

Конечно, всех нас оправдали.

А после, когда судья стал уже не судьей, а просто Егор Лукичем Веревкиным, он похлопал Треухова по плечу и сказал:

— Эх, брат, кабы знатье, так я бы отложил твое дело еще на месяц,—все бы ты за это время приучил к экономии еще дюжину абонентов...

Евграф Дольский

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ СТАЖ

На должность помощника прокурора Бердичевского округа выдвинут крестьянин от сохи т. Ященко.

Прокуроры от сохи
На работе не плохи:
Знают, как со злом бороться.
Коль вредитель где найдется,
По мужицкому его—
Хрясь, и больше ничего:
„За ножку,
Да об сошку!“

Ив. Т.

МУЗЫКАЛЬНАЯ НАТУРА

— Идете на камерный канцерт сегодня?

— Благодарю вас! Хватит мне этих *камерных концертов* Сам на прошлой неделе из исправдома вышел.

СКРОМНОСТЬ

— Тов. управдом! Какая у вас дивная обстановка! Наверно, наследство получили?

— Нет, что вы! Это я просто, как говорится, *домашними средствами* себе обстановку устроил.

В ОБЪЕЗД ЗАКОНА

Рис. Н. Радлова

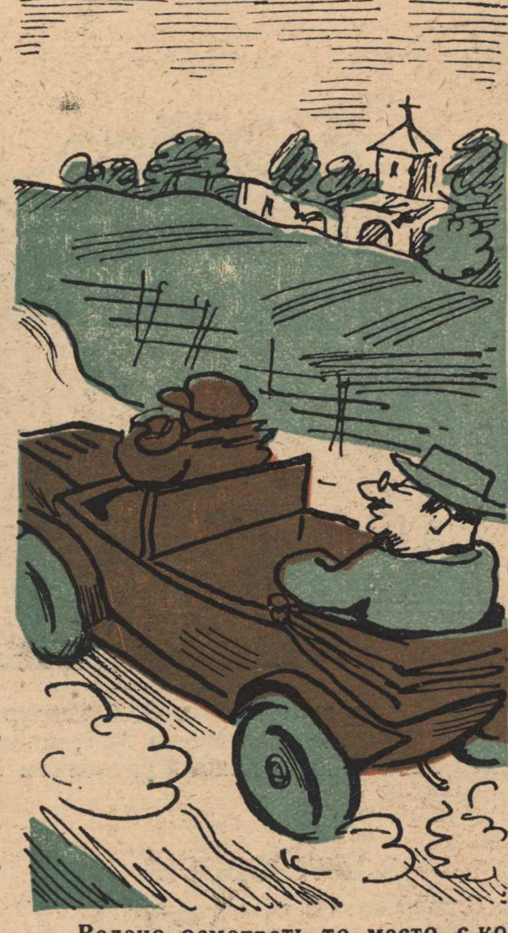
Запрещено пользоваться служебными автомобилями для поездки за-город.

— Да! Забываем пригороды, забываем... Может, эти Воробьевы Горы вокак в кооперировании нуждаются!

— И говорит мне, душечка, председатель Рудмета: а вдруг там в Воробьевых горах руда залегает? Ну, натурально, командировочные, суточные...

— Велено осмотреть то место, с которого Наполеон на Москву глядел. Очень это положительная у товарища брандмайора мысль: каланчу на том месте построить...

— Ну, батеньки вы мои, раз уж дела столкнули нас в столь неприветном месте, то грех по этому поводу не выпить и не закусить! Кстати, у нас у всех провиантик нашелся...

С ВОЛКАМИ ЖИТЬ—ПО ВОЛЧЬИ ВЫТЬ

Рис. А. Радакова

Во многих уездах Карелии отмечается небывалое нашествие медведей и волков...

— Э-эх! У кума, должно, сейчас свадьба в самом разгаре, а тут, ироды, третий час над овцой возятся, доесть не могут. Житье!

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

(Разсказ для морали)

Утром встал, кряхтя, с постели. Рожа в зеркале крива. От тяжелого похмелья, закружилась голова.

Вкус во рту—сказать противно. Мозг в тугих тисках зажат. Руки интенсивно и без удержу дрожат.

Пальцы шарят по карманам пиджака и мятых брюк.

Все спустил в угаре пьяном! Ни копейки нет! Каюк!

Сел к столу. Вздохнул печально.

— Где был? В „Праге"-ли? В „Уфе"-ль?

И рукою машинально лезет в кожаный портфель.

По спине пошли мурашки; по губам бежит слюна.

— Эва!.. Трешницы... бумажки... Позабыл совсем спьяна!..

Почесал, смеясь, затылок. Словно сплечь свалился пуд.

— Можно... парочку бутылок... Это взносы. Подождут.

— Ну-с! Запомни, черт еловый: эти деньги не тово... Выпью ровно на целковый.—Во и боле ничего!..

Вид пивнушки сердцу лаком; шум пивнушки сердцу мил. Тянет к пиву, тянет к ракам... Никогда-б не уходил!

Разошелся понемногу. В голове опять туман: то пивишка, то миногу, то приятелю стакан...

Глядь-поглядь, в портфеле жиже. Враз решенье на-ура:

— Стой-же, дьявол!.. Погоди-же!.. Все покроем в баккара!..

В клубе кто-то:

— Стой и карта!

Сел за стол и вот—сыграл!.. Был удачен ход у „старта", а на „финише" пропал.

Утром в клуб полезло солнце. Пара глаз, что пара ям. До последнего червонца—взносы членские к чертям!

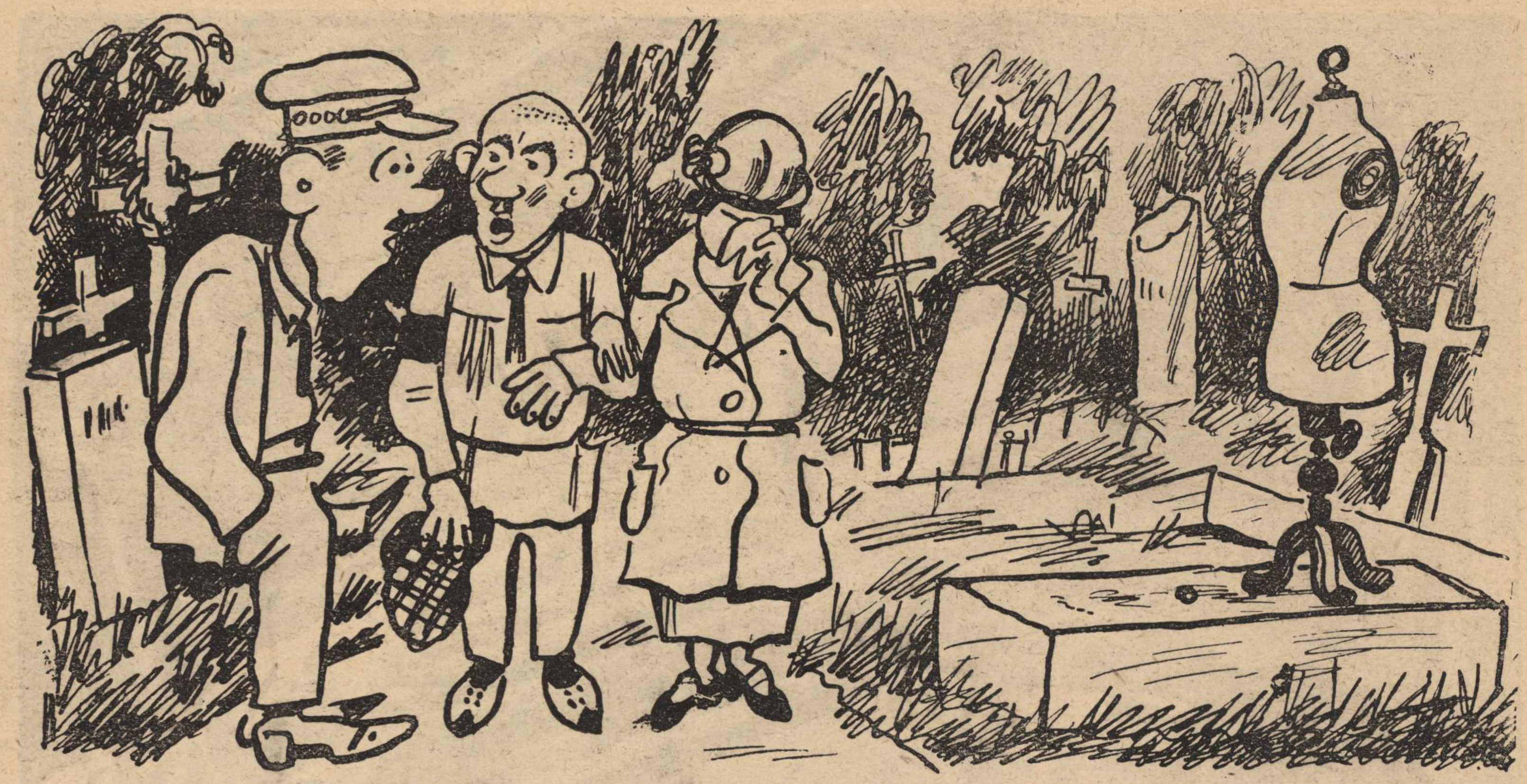
И в дыму от папиросы, как угроза и укор, вьются призраком допросы и суровый прокурор.

Р. Волженин

ВЕЧНЫЙ ПОКОЙ

Рис. Н. Радло

Участились случаи разграбления хулига ами кладбищ

— Чего ж это вы на могиле своего папаши женский бюст какой-то ставите?
— А мы который подешевле выбирали: все одно в скорости сопрут!

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

ЦЕННЫЙ ГРУЗ

Нам пишут:

На станции Шостка (М. К. В. ж. д.), при отправке переселенцев, весовщик Гомоляко до того назюзюкался, что в 2 часа дня свалился в пакгаузе мертвецки пьян. Весовщика тормошили, но он брыкался, издавая непонятные звуки. Ввиду наличия в пакгаузе ценных грузов, пришлось запереть пакгауз, вместе с весовщиком. В 7 часов вечера он был торжественно извлечен.

ПРИВЫЧКА—ВТОРАЯ НАТУРА

Рис. И. Каликина

Во многих фабричных районах закрылись пивные. (Из газет.)

— Ты чево-ж тут валяешься—ведь пивнуха закрыта?
— Да уж больно я на этом месте спать привык!

Еще бы не торжественно, если из всех грузов весовщик был самый ценный. Небось, не водой и песком нагрузился!

Считайте: на худой конец—бутылка горькой+полдюжины пива+разная закуска. На таком грузе всегда пишут: „Верх. Низ. Осторожно!“

ГРОЗНАЯ МИЛИЦИЯ.

Юпитер сообщает на страницах „Грозненского Рабочего“:

Безбилетные пассажиры, проезжающие по старо-промысловской ветке, подвергаются опасности поломать руку или ногу, так как милиционеры, вместо того чтобы препроводить их на станцию, сталкивают с площадки на полном ходу.

Нельзя ли поосторожней, товарищи милиционеры!

Юпитер.

Юпитер! ты сердишься, но в этом случае ты совершенно прав.

Ну, сбросит милиционер зайца, а у того сломается рука, или нога! Так, ведь, у него же—две руки и две ноги?! Не пропадет!

Или, может быть, Грозненские милиционеры навострились ломать его, подлого, в общем и целом, на все составные части?

Интересно узнать.

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ.

Горько жалуется на горькую „Орловская Правда“.

ПИВНУЮ ЗАКРЫЛИ, ВОДКА ПОЯВИЛАСЬ.

В истекшем году по настоянию рабочих были закрыты пивные лавки в рабочих районах.

Но лишь только наступила весна, по соседству с заводом имени тов. Медведева появился магазин Госспирта.

Наливки, коньяки и „горькая“ в витрине дразнят рабочих.

А что если перегнать Госспирт на новое место?

Получится Русская Горькая той же ценности, только смычки с заводом не получится.

И не надо!

ПОБЕДА НАУКИ.

„М. Правда“ сообщает, что в Америке —

Для предотвращения ограбления банковских артельщиков и посыльных *изобретен специальный стальной жилет.* Деньги или ценные бумаги укладываются в этот „жилет“, который может быть вскрыт только на месте назначения и является, как утверждает изобретатель его, непроницаемым для пуль.

Бедные американские бандиты! Им остается только „*плакать в жилетку*“.

МЕСТО КРАСИТ ЧЕЛОВЕКА

Астраханская „Коммуна“ печатает любопытную заметку „Дяди Сама“.

ЛИЦОМ К САМОГОНУ (с. Карантинное, Астраханского у.).

Не так давно судебные работники приехали к нам в село для чтения лекции.

Лекция привлекла такую массу сельчан, что нардом не мог вместить всех желающих прослушать лекцию.

На лекцию пришла также и пьяная тройка, состоящая из нач-ка карантининской волмилиции Фребель-Яцина, предсельсовета Тулаева и члена вика Лечкова.

Хороший пример подают наши власти своим сельчанам.

Правильно!

Но, что касается, пьяной тройки сельвластей, то в этом, граждане, виновато место—*село Карантинное.* Только неизвестно, сколько времени будут их выдерживать в Карантинном.

Полагаем, что недолго.

ВРАЧЕБНЫЙ ОСМОТР

Самарская „Коммуна“ рассказывает о медицинском персонале в глуши Сам-губернии:—

— Недужится мне... Лекарства бы какого от хвори,—мужик охая, кланяется врачу или аптекарше дубово-уметовской больницы (Самарского у).

— Лекарства... можно,—говорит врач или аптекарша, а сами смотрят, не принес ли мужик какой всячины.

Принес если мужик яичек, маслица, то первейшее лекарство получай! А с пустыми руками—дрянь какую-нибудь сунут и слова не скажут.

Зато врачебный осмотр—на совесть, самый подробный: во все норы и щели к мужику заглянут—не принес ли чего.

Осмотрят как следует, а потом, глядишь, человек помер без лекарства.

— Хитрая шутка—медицина!

ПИКОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

У рабочих фабрики „Нарядов“ в И. Вознесенске, как сообщает „Рабочий Край“. —

Издала дирекция распоряжение, чтобы рабочие не выходили в корридор раньше, чем за 5 минут до окончания работ. А часы на фабрике вразброд идут. В печатной — без 10 минут 3, в красковарне без 5 минут, а в крахмальных фабриках—четвертый час пошел.

Казалось бы, легко сверить часы, только умеючи за дело взяться. Но работающий „часовым спецом“ Евдокимов *никогда этим ремеслом не занимался, а весь век торговал.*

Имеем одно предложение к порядку дня, но не решаемся высказать...

Ну, так и быть: чтобы не нарваться на замечание или на штраф, полезнее всего поставить электрический звонок над ухом директора, пусть трезвонит беспрерывно до тех пор, пока часов не исправит. А „часовых дел мастер“—не при чем. Он по профессии обязан знать только одни часы: *часы торговли*

ДВИГАТЕЛИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Об учителях много толкуют. Недавно им увеличили жалованье, а теперь следовало-бы сократить произвол, которому они подвергаются на местах.

Некая *Летучая мышь* пишет в Тюменьском „Трудовом Набате“:

В Вагайском районе творится что-то неладное. Захочет Рик—уволит учителя, не считаясь с мнением месткома Рабпрос; захочет—назначит вновь даже в конце года.

Одним словом, как в цыганском романсе:

Захочу—полюблю,
Захочу—разлюблю...

Только не нравится учителю такая песенка—цыганский пот от нее прошибает...

„НАЛАЖИВАЮТ“ ТРАНСПОРТ

Чего только не пропьет русский человек?!

Пришлось мне идти в 3 часа утра по Новинковской улице—(рассказывает Партбилет 692362—в Вологодской газете, „Красный Север“), смотрю—около железного забора целые крыши с вагонов обдирают рабочие из ТЧ—13.

— Товарищи, нехорошо,—говорю,—транспорт разрушать.

— Выпить захочешь, товарищ, так потащишь!

Чего смотрит железнодорожная охрана, и что думают рабочие, когда разрушают транспорт?

Насчет охраны—на знаем. А что думают рабочие?

— Вот—думают—пропьем вагоны, а тогда чего переть?

Хорошо бы—думают—вокзал спереть, мать честная... Да, небось, к земле крепко пришит..

БУЛКА—ИНВАЛИД

Чудеса в решете!

Болховская производственная артель (по сообщению „Орловской Правды“) открыла несколько булочных. Торговля пошла великолепно.

Но вскоре покупатель к своему удивлению увидел, что булки инвалидов в длину убавились.

Покупатель возроптал. Артель глубокомысленно молчала, а булки в длину все сокращались и сокращались, намереваясь стать величиною с фасоль. Покупатель отказывался брать.

А инвалиды, поди, ломали последние головы:

— Что ты скажешь! До чего народ курьезный: подай ему, черту, длинную булку. Не паутину ей с потолка сымать! Ладно, так и быть, подадим длинную.

И снова покупатель увидел прежние длинные булки, но зато... они стали все более и более *уменьшаться в толщину* (тощать!).

Вот какое чудо трансформации. А ежели теперь оголтелый покупатель потребует:

— Подавай мне и длинную, и толстую!

Что тогда?

Тогда, конечно, подадут длинную и толстую, но, что касается внутренности—ах, извините-с!—не будет ничего, кроме пустого места и воздушной начинки.

Короче говоря,—усовершенствованная бывшая французская булка.

ПО ПОВОДУ.

— Мал золотник, да дорог—как память.

ЖИЛКРИЗИС

„В Узбекостане на Сулюкопинских копях квартир совсем мало, так что для холостых рабочих приспособлена половина бывшей тюрьмы“.
(„Раб. Газ.“, 145.)

Рис. Л. Бродаты

— Послушайте! Гражданин! Ведь, вас, кажется, только что за растрату на 5 лет приговорили?

— Ну так что-же? Я домой и иду. По месту жительства.

КНИГА ДЛЯ НАРОДА.

1.

Степенно, со строгим лицом, словно в кабинет доктора, вошел Спиридон в книжный магазин кооператива „Единение—Сила“. Истово перекрестился на портрет Карла Маркса и стал терпеливо ждать, пока сухая женщина, в пенснэ на тонком носу, отпускала школьникам синие тетрадки, перья и карандаши.

Спиридон переминался с ноги на-ногу, со страхом глядел на полки, заставленные книгами, и размышлял:

— Эка их понавалено—страсть!.. Ежели, скажем, все осилить, до всего человек может дойти!.. Только нет молодца, чтобы такую силу перечесть. Ежели не пить, не есть, не пахать, за скотиной не смотреть и читать, как дьячек,—все одно в две жизни с ними не справишься... Си-ила!..

Магазин опустел, и тощая женщина обратилась к Спиридону:

— Вам чего, гражданин?..

— Книжку бы мне надоть, товарищ гражданка.

— Какую?.. Как называется?..

— А кто ее знает, какую!.. Мы люди темные, нам это не дано... А, значит, дай ты мне книжку, которая от хвори.

— Медицинскую... Лечебную...

— Во-во!.. Ее самую. Как есть лечебную. Под сердцем, вишь, меня сосет, жизнь мне стала не мила... Так чтобы отходило.

— Т. е. как отходило?... Ничего не понимаю!.. Вы что-то путаете, гражданин.

— Ничего я, товарищ гражданка, не путаю. Утешительную книгу, говорю, чтобы, значит, от сердца порченую кровь отгоняло... Как пиявка, к примеру.

Продавщица поправила пенснэ, пожевала тонкими бледными губами и вслух подумала:

— Юмористическую, может быть, дать ему... Вам смешную?..

Спиридон обиделся:

— Каки-таки смехи!.. Сама посуди, товарищ гражданка, до смехов ли мне, раз под самое сердце подкатывает...

Продавщица пожала плечами и раздраженно сказала:

— Ничего не понимаю!..

— А ты пойми!—встрепенулся Спиридон.—Толком тебе говорю—книга мне надобна, чтобы в самое нутро вдарила, чтобы от нее жилки затряслись... Чтобы, значит, в самый раз!.. Утешительную, чтобы...

— Что же я ему дам?..—перебирала продавщица.—Фантастическую?.. Нет, не годится. Сказку?..

— Не надо мне сказки... Мужик я обстоятельный, не баба. А что до сказок, так я и сам их могу сказывать. Не впервой внуков тешить.

Покупатели входили—выходили. Спиридон терпеливо ждал, пока продавщица отпускала книги и канцелярские принадлежности. Снова магазин опустел.

— Право, я не знаю, что тебе посоветовать—вздохнула продавщица.

— Пойми ты меня, товарищ гражданка... Мужик я исправный. Двух сынов на войне потерял: что вытья было—страсти!..—воодушевился Спиридон.—Оно война, конечно, дело рассейское, а только один я с бабой остался... Мальчонку, почитай, на днях схоронил: шустрый был Миколка, вострый, а вот схватило и свернуло. Что ж ты поделаешь—видно, не жилец был... Старуха моя, Агафьей звать, втепоры задумываться стала—строгая баба, что и говорить!.. Сядет это на лавку, подопрет головушку и в рукомойку уставится. Так и сидит. А зимой до пашни какое у нас дело по крестьянству?.. Добро бы скота много было, а то лошаденка с коровенкой—вот и все добро. Ну и стал я в хворь впадать, маяться. Допреж того, бывало, завалишься на полати и глядишь сверху-то: кругом суета, невестки переругиваются, сыны с работы придут, обо всем погуторят, Миколке сказку разведешь—все, так есть, по хорошему... А теперь...

Спиридон безнадежно махнул рукой.

Продавщица внимательно слушала, сочувственно качала головой и наконец прервала Спиридона:

— Ага!.. Теперь я все понимаю. Тебе нужна книга про горе народное.

— Вот-вот... Ее самую... Чтобы полегчало.

— Так вот возьми рассказы крестьянского писателя Покрышкина... как раз про крестьян... Думаю, что понравится... Только стоит рубль.

— А ты уступи!..

— Не могу.

Как ни торговался Спиридон—уступки не было. Но уж слишком заманчива была возможность отрешиться от горя, хотя немного взбодриться, стоило затратить рубль.

Кряхтя, вытащил он кошелек, с трудом заворотив полу тулупа, отсчитал рубль, бережно, словно хрупкое стекло, взял книгу и вышел на улицу.

А на душе стало легко, словно он нес чудодейственное лекарство:

— Книга правильная!.. Сама сказывала, от горя, мол, крестьского... Как есть лечебная... Отшибет, беспременно отшибет!..

2.

Напоив скотину и задав корму, вошел Спиридон в избу, сел на лавку и препоручил книгу грамотной невестке Марьюшке, жене без вести пропавшего сына.

— Ну-т-ка, Марьюшка, почитай малость!..

Даже откашлялся Спиридон и сплюнул, прежде чем невестка стала бережно разрезать книгу кухонным ножом.

Мерно, заикаясь на трудных местах, читала Марья:

„...Год выдался голодный. Еще осенью пришлось Ивану Феоктистову продать лошадь, чтобы как-нибудь прокормить семью... Но нужда росла, на масленой пришлось уже печь хлеб с мякиной, а великим постом стало и того хуже“...

Спиридон внимательно слушал, склонив голову.

— Да ты так ли читаешь, Марьюшка?...

— А то не так?...—обидчиво заметила невестка.

„...Старший сын Феоктистова умер от цынги... А как известно—одна беда пришла—раскрывай ворота!.. вслед за ним умерли и два другие сына. Остался Иван один с женой и, продав по дешевке последнюю коровенку да соху с бороной, сильно запил...“

— Как не запить!.. Запьешь!.. Что и говорить...—подтвердил Спиридон.

Дальше в рассказе говорилось о том, как Иван остался бобылем, разобиделся на жизнь и ушел в город. А в городе безработица. Беспросветно описывалась горькая судьба изголодавшегося мужика, оторванного от земли. Автор не жалел красок, и с каждой страницей они становились гуще и темнее.

И конец рассказа был черен, как сажа:

„... Изба Ивана Феоктистова долго стояла с забитыми ставнями. Но и она сгорела: есть в народе молва, что ее поджог местный кулак, мечтая заполучить усадьбу Феоктистова“.

ПО СУЩЕСТВУ

„Группа отпускников является из отпуска в худшем виде, чем уезжала“

Начальнику Управления
Сотрудника Порта
А. РАПОПОРТА.

Ничего выдержит! Отправить! В. Коган 8/VIII-33

НАЧАЛЬНИКУ УПРАВЛЕНИЯ

ЗАЯВЛЕНИЕ

Принимая во внимание
Убийственное состояние
Моего здоровья
(Вследствие малокровья),
Прошу, как одолжения,
Вашего распоряжения—
— Не посылать меня на курорт.

А. РАПОПОРТ.

Дослушав рассказ, Спиридон крепко выругался и сказал:

— Вишь что, паршивец, удумал!.. Какой прыткий выискался!.. По евойному так, стало быть: двух сынов лишился, так теперь и бабе помирать, а мне в побирушки итти... Вот он к чему гнет!.. А на моей земле, значит, кулаку осесть... Нет, врешь, не бывать этому, не на то мы советскую власть ставили!..

3.

Озлобленный, хмурый отправился Спиридон в хлев. Закипела бессильная злоба: рванул коровенку за рога, пхнул валенком лошадь под брюхо и проворчал:

— Нечего и жрать, раз подыхать удумали!..

А затем, постояв на дворе, Спиридон немного успокоился и сказал вслух:

— Не иначе, как баре такие книги подсовывают... Чтобы мужика силы лишить, а потом голыми руками его взять... А может, очкастая правильную книгу под спудом держит, а дрянь сбывает... Зря только целковый загубил... А еще кооператив!.. Жулики!..

Вернувшись в избу, Спиридон схватил книгу „молодого талантливого певца крестьянского горя“ и сердито рванул первую страницу. Оторвав полоску бумаги, он вдумчиво скрутил „ножку“, насыпал махорки с ладони, закурил и медленно со вкусом затянулся.

Полегчало.

К. Миль-Полярный.

РАЗНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ.

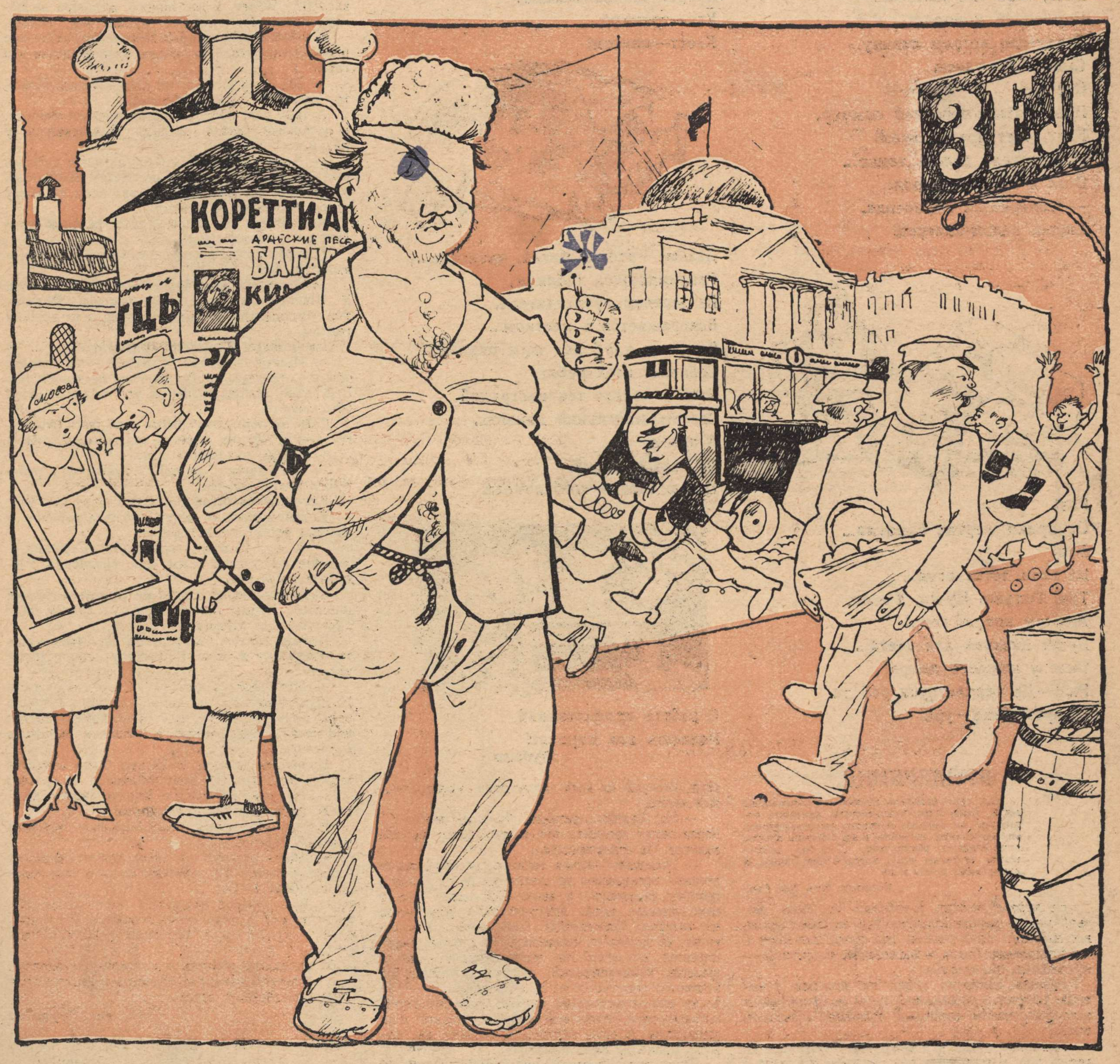
Нарсудья:—как вам нестыдно, обвиняемый! Как у вас могла подняться рука на чужой карман?

Подсудимый:—я товарищ, вовсе и не виноват, как у меня рука не поднялась, а опустилась.

К.

НЕУМИРАЮЩАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ

Рис. К. Ротова

— „Позвольте вас единым словом
Побеспокоить...“ Вздох, поклон,—
И с носом иссиня-лиловым
Пред вами изогнулся он.
Когда-то, дань отдав моменту,
Картуз приладив к голове,

„Как бывшему интеллигенту“,
Выклянчивал копейки две.
Живучий тип! Сейчас он, летом,
В толпе, убог и одинок,
Дыша „распивочным буфетом“
Сует гуляющим цветок.

А, вот, попробуйте,—затроньте
Его в пивной—хвастун, буян...
„Когда-то—*жил!*“... „Страдал на фронте“...
„Затерт из зависти“...
И пьян.

Д. Цензор

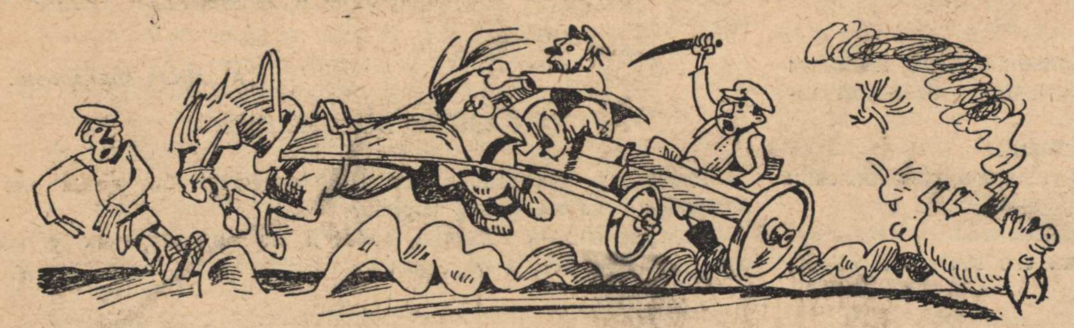
ПОРОСЯЧЬЯ ГРОЗА

Предместком ст. Луза Пермск. ж. д. тов. Мелешко оригинально выполняет свои профсоюзные обязанности.

Он ездит по деревням, занимаясь кастрацией поросят (выхолашиванием), получая за это установленную плату.

(Из письма рабкора).

Рис. Б. Антоновского

Разойдись! Чего замешкал?!
Берегись! Тревога! Гвалт!
Едет, едет сам Мелешко—
Поросячий коновал!
Завертело ветром птичку,
Сыплет в волосы
Песком!
Проводить с деревней смычку,
Едет, едет предместком!
Нужно дело делать тонко...
Стал и дивится народ:
— Поверни-ка поросенка,
Дарья, задом-наперед!

В общем—быт... И ветви машут...
Солнце тает над прудом,
И орет свинья-мамаша:
Ухо—тряпкой,
Хвост—винтом!

Дальше—что-ж! Читай, читатель...
Раздымившись табаком,
Из деревни председатель,
Возвращается в местком...
Входит в клуб под шум оваций,
Собирает всех ребят,
Чтоб о пользе тех кастраций
Сделать маленький доклад...
А потом,
От дела грузный,
Ночью сядет—чтоб доклад

Раз!
От крика жертва взмокла...
Два!
Из глаз летят огни...
Три! Готово. Ну-ка, Фекла,
Жертву новую гони!
Будет дюжина для счета...
Визг у каждого двора!
Раз!—Да здравствует работа
Профсоюзная—ура!

О работе профсоюзной
Написать для поросят!

Зубило

ВУНДЕРКИНД.

Нар. суды завалены исками на содержание детей. Если отцы отказываются признать отцовство, на помощь приходит антропометрия, дактилоскопия, евгеника и др. Ребенок и отец подвергаются экспертизе. Сход тво сказывается в форме носа, в цвете глаз, волос, в построении зубов и пр.

(Ленингр. Нов. Веч. Газ.)

На первый взгляд, в ребенке не было ничего такого замечательного. Все на своем месте, все на лицо: одна голова, две руки, две ноги и тому подобное. Глаза — бесцветные, волосишки— пустяшные, рыжеватые.

Ребенок апатично сидел на коленях у матери, обидчиво поджавшей губы и косившейся в сторону шести взрослых граждан мужского пола.

Граждане сбились в кучу, как товарищи по несчастью, и старались не смотреть на мать с ребенком. Покорно ждали, чего будет дальше.

А дальше было вот что.

Судья предложил высказаться научному эксперту и произвести авторитетную экспертизу.

Когда человек с самодовольным лином поднялся и откашлялся, все шесть граждан, как один, метнули на него испуганно выжидательный взгляд.

— Ну, братцы... теперя, братцы, держись... Через науку пришьет нас к ребятенку на обе лопатки! Не отвертишься ..

— Граждане!—начал ласково эксперт, попеременно поглядывая на шестерых и на прочую публику, сидевшую в зале:—Граждане! Перед вами воочию дитя, действительно рожденное его матерью, гражданкой Чиликовой. Это, конечно, не вызывает сомнения. Но кто же, спрашивается, его отец? На этой скамейке—шесть граждан, подозреваемых, но уклоняющихся от активного участия: я не я, и дитя не моя. Кто же из них—счастливый папаша, позорно скрывающий свое отцовское происхождение? Как установить? В этом случае, граждане, на помощь приходит антропометрия...

Шесть подозреваемых испуганно вздрогнули.

— ... дактилоскопия, евгеника и прочее...— отпалил эксперт одним духом.

Подозреваемые окончательно поникли, получив в лоб такой заряд.

— „Пропали, ей-богу!"...

Итак, граждане, я приступаю к экспертизе. Спичкин, пожалуйте сюда. Гражданка Чиликина, несите дите.

Спичкин побледнел, безнадежно оглянулся на товарищей и пошел к эксперту.

Все затаили дыхание. В руках эксперта блеснули какие-то линеечки, циркули,—прямо, мороз по коже дерет!

Отмерил чего-то на ребятенковой голове, потом на голове Спичкина.

— Так!—говорит.—Мерси вам. Голова у дитя—ваша собственная: чик в чик! Покажьте руку... Нет,—говорит,—рука не ваша. Рука чужая. Матюгов, пожалуйте сюда.

Матюгов тяжело задышал, перекрестился и— к эксперту.

— Покажьте, Матюгов, левый большой палец нутром вверх... Так!—говорит - правильно! Можете—говорит—опустить ручку. Палец у вас— как два сапога пара—с дитем. По пальцу вы, говорит, - ихний папаша.

Четверо остальных сидели ни живые, ни мертвые, дожидаясь своей очереди.

— Никитенко, прошу вас сюда.

Никитенко вскочил и подошел с зажмуренными глазами.

— Да вы не падайте духом—обнадеживал эксперт:—может, у вас ничего детского не обнаружится.. Приоткройте, прошу вас, глазки.

С отчаянием приоткрыл Никитенко глаза—все равно пропадать. Покрутился эксперт возле его глаз.

— Так и есть. Детский узор в глазах. Можете—говорит—закрыть обратно.

А трое еще продолжали дожидаться очереди, и маленькая слабая надежда зашевелилась у них в головах.

— А что—думают—может, на наше счастье, всего дитю распределили по частям полностью, в общем и целом? Может, слава богу, на нашу отцовскую долю не хватит?

Ах! не тут-то было! Такой ребенок уродился, что прямо ужас!

Позвали Брюханькова: оказывается по зубам— вылитый сын.

За Брюханьковым настал черед Шаповалова. У Шаповалова—на-те вам!—волосья—рыжеватые, пустяшные—словом, не свои, а с детской головы.

Напоследок, Стрюкина притянули.

— Ищите! — говорит Стрюкин — на заводах обыски отменены, а тут ничего не попишешь. Все равно пропадать через эту подлую дитю! обыскивайте.

Стал эксперт обыскивать: ноги, руки, голову, глаза—как будто, ничего нет. Уже Стрюкин осмелел, уже радоваться начал.

— Вот—думает—удача! Непричастен к ребятенку. Ослобонюсь!...

Как-же! раскрывай рот шире.

И действительно: вдруг закричал ребенок, а эксперт сейчас же и говорит.

— А ну, говорит,—гражданин Стрюкин:— подайте протяжный голос для сравнения. Раскройте шире рот.

Чуть сапогом от злости не пхнул Стрюкин младенца, потому оказалось, что по голосу он— единогласный папаша.

Покуда длилась экспертиза, волнение охватило публику в зале. К выходу стали подаваться.

— Нет!—кричит эксперт:—Стойте, обождите! Не пущай никого на выход. Может, тут еще есть причастные к делу. Я—говорит—сейчас под ноготь буду брать: по ногтям выяснять соучастие...

Поднялась ужасная суматоха. Одна взволнованная нянька гардероб обронила и кричит:

— Пустите! нет такого закона, чтобы женщину по ногтям отцом признать!

Но тут что произошло? Странное научное явление произошло.

Взглянул эксперт на свои ногти, чиркнул быстрым глазом по ребятенковым—и позеленел от сомнения.

— Вот—думает: история с мармеладом! Ей-богу, не мои у меня ногти, а евоные. Не надо— кричит—пущай народ свободно уходит. Я пошутил...

И поспешно обратился к мамаше Чиликовой:

— Унесите младенца. Довольно с него шести научно-доказанных отцов.

Ив. Прутков

НА ВЫНОС

— Эх! Много же мне пришлось вынести на службе...

— Чего? Неприятностей?

— Зачем неприятностей? Гвоздей, покуда охраны у выхода не поставили.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

ТАРАКАН В БИСКВИТНОМ ТЕСТЕ КОНДИТЕРСКОЙ ФАБРИКИ МСПО „БОЛЬШЕВИК“.

Бисквит называется „Английский“. Но это ничего: мы любим иностранные слова.

Но в коробке, на самом верху, лежит такой почтительный документ:

№ 9.

Печенія
ФАБРИКИ
С. СІУ и К°.

Въ случаѣ малѣйшаго недостатка въ укладкѣ или сохраненіи этихъ печеній, покорнѣйше просимъ господъ покупателей вернуть намъ этотъ ярлыкъ обратно съ указаніемъ недостатка.

С. Сіу и К°.

Спешим исполнить „покорнейшую просьбу:

Уважаемый господин С. Сиу и К°!

Печенья Вашей извѣстной фирмы сохранились очень хорошо, равно какъ и укладка не оставляетъ желать лучшаго.

Единственно, что вызываетъ недоумѣнье, это—серпъ и молотъ, изображенные на коробкѣ, и надпись „Большевикъ“.

К РАЗВИТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПИВОВАРЕНИЯ

Рис. А. Юнгера

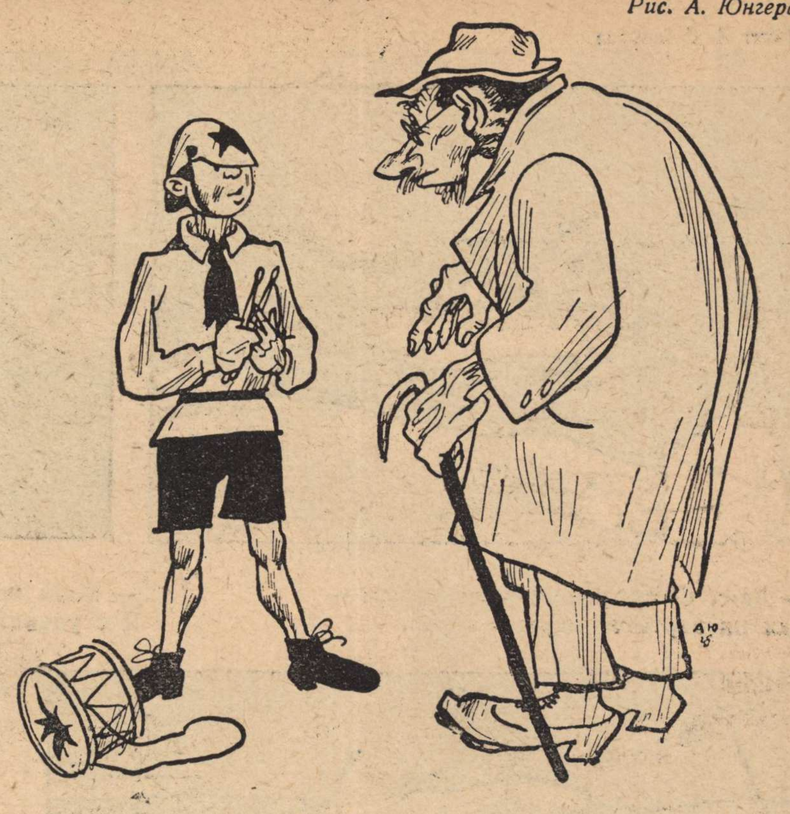
Пищетрест получил разрешение на продажу с лотков пива кружками и бутылками.

Следующий этап.

КОРЕННАЯ ОШИБКА

Рис. А. Юнгера

— **Эх! лопнула у меня барабанная перепонка!**
— **Бедный ребенок! Кто же тебя так ударил?**
— **Никто меня не ударял. Я пионер.**

ВЕСЕЛЬЧАК.

Очень веселый, повидимому, человек ведет отдел происшествий в газете „Красное Знамя“.

Это видно по заголовкам заметок:

Кража по погоде. Из коридора рабкрина по ул Р. Люксембург украден полушубок, принадлежащий гр-ке Елизаровой Р. И.

Любитель золота. У гр-ки Федоровой А. И., проживающей по Ленинскому пр., № 25, посредством взлома стекла похищено: золотое кольцо, золотой медальон и театральный бинокль.

Сомнительно, чтобы украденный „любителем золота“ театральный бинокль был тоже золотой.

Но, вероятно, по расчетам хроникера-весельчака, в этом месте как-раз и должен искренно расхохотаться унылый, серый, страдающий несварением желудка читатель.

ГОЛОСИСТЫЕ ЗВЕЗДОЧКИ.

В „Красной Башкирии“ очень поэтично пишет Н. Лощилов

С дальней горы, из рощи, из кривых переулков Караякупово сходятся отдыхающие к дому отдыха. Блеснули в небе звездочки. Сбившись вплотную по ступенькам широкого крыльца, ладят они голоса на песню.

Оставив на время звездочки, сбившиеся вплотную по ступенькам крыльца, автор сможет наладить свой голос на грамматику.

БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

На днях умер Народный артист В. Н. Давыдов. Многочисленные некрологисты одинаково оценили его деятельность, но в оценке его жизни они разошлись. Так „Веч. Кр. Газета“ (№ 156), пишет:

Давыдов умер *на 76 г. жизни*..

„Раб Газета“ (141):

Вчера, в 8 часов 20 минут вечера, скончался народный артист В. Н. Давыдов.

Ему было 78 лет.

И наконец, „М. Правда“ (142):

Таким оставался до конца, *до своих 88 лет* Давыдов.

Как это еще никто до ста лет не дошел! Цифра и почетная и юбилейная, так сказать...

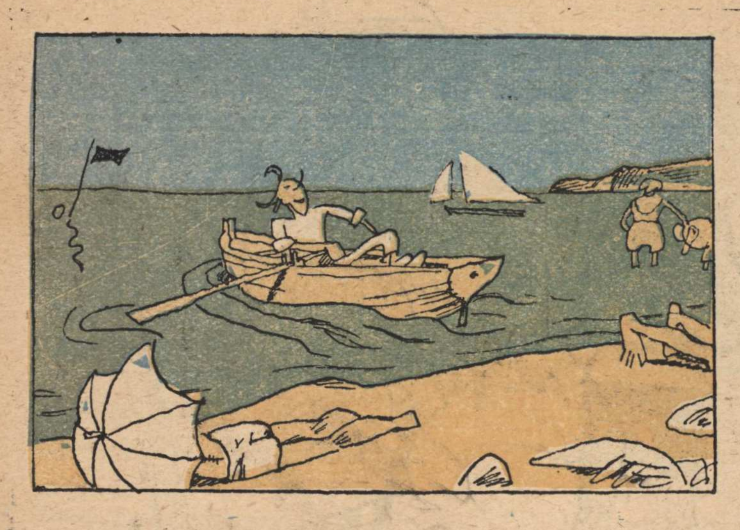
Издатель: „ГУДОК“ Ответственный редактор А. С. Андрейчик.

Ленинградский Гублит. № 14503 Типография „Инвалид Печатник“ Ленинград, Улица Воинова, 26. Тираж 60.000

ЕВЛАМПИЙ НАДЬКИН КУПАЕТСЯ В МОРЕ

Текст А. д'Актиля

Рис. Б. Антоновского

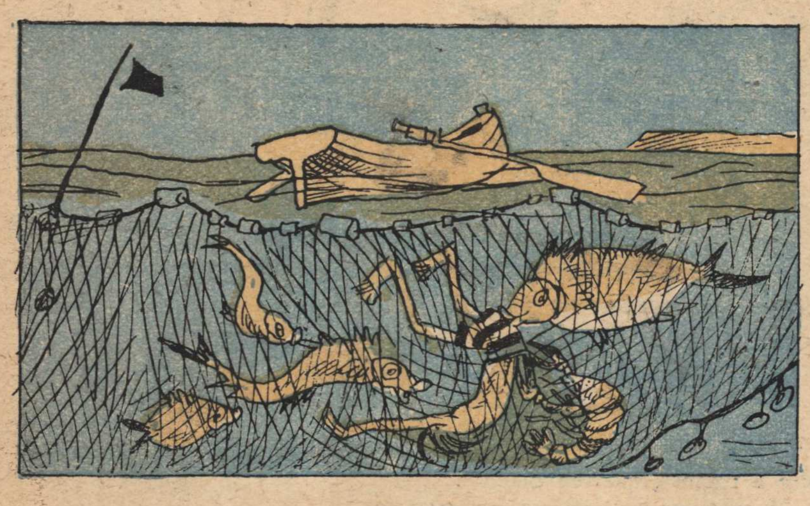
— Да-с, Сестрорецкий наш курорт—
Как ни вертите—первый сорт...

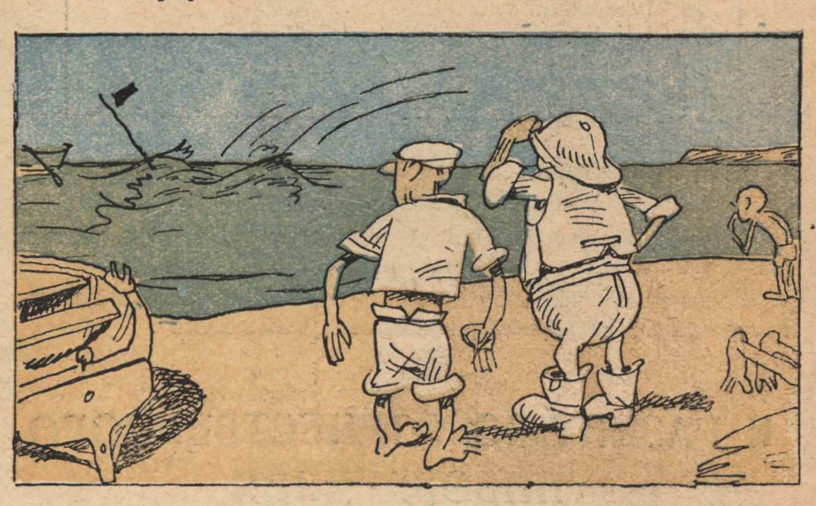
— Воды прохладной в глубину,
Я с удовольствием нырну!

— Об этом я мечтал давно!

— В глазах темно! Что это?
Дно?

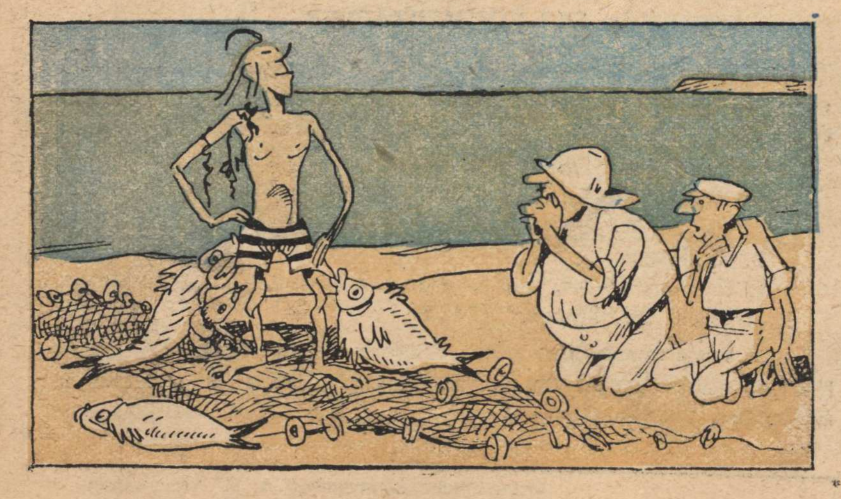
Взирая вдаль из-под руки,
Волненье видят рыбаки:

— Уж не попал-ли в сети кит?
И лодка к берегу летит.

— Не сам-ли это водяной?
Не погуби ты нас, родной!

— Народ рабочий я люблю—
Уж так и быть: не погублю!

— Да-с, Сестрорецкий наш курорт—
По рыбной части—первый сорт...